КОНЦЕПТЫ ВОЙНЫ И МИРА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В.И. Ионесов

Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, Молодогвардейская, 244
E-mail: ionesov@mail.ru

Даются некоторые культуролого-терминологические прояснения концептам войны и мира как когнитивным областям современного гуманитарного знания. Следует признать, что при всей кажущейся разработанности в научной литературе темы войны и мира ее понятийно-терминологическое сопровождение выглядит крайне запутанно и методологически отстраненно. Представляется важным и перспективным рассмотрение природы войны и мира в дискурсе культурологического осмысления. Это рассмотрение предполагает определение войны и мира как структурально-семиотических состояний культурных систем и как метафор, отражающих императивы социальной адаптации и развития.

Ключевые слова: война, мир, гуманитарные науки, культура, культурные смыслы, этимологические значения.

Война и мир как явления общественной жизни и объекты изучения выражают сложные и противоречивые концепты в гуманитарном знании. Многочисленные определения войны обычно сводятся к самым общим характеристикам, применимым к почти любому социальному конфликту. Между тем война, будучи самой острой формой общественного противостояния, фундаментально привязана к культурной реальности социума, и потому в первую очередь отражает противоречия в ценностно-нормативных установках общества.

Нельзя не заметить, что война как продукт культурной жизни артикулирована в обществе средствами самой культуры. По этой причине она не может быть понята вне культурного контекста. В попытках найти точные определения войны и мира нам часто мешают оценочный подход и упрощенное, одномерное толкование этих архетипических понятий. Установить, «что такое хорошо и что такое плохо», всегда проще и удобнее, нежели разглядеть, «что истинно, что ложно», то есть объяснить явления по существу.

В связи с этим представляется важным и перспективным рассмотрение природы войны и мира в дискурсе культурологического знания. Это рассмотрение предполагает определение войны и мира как структурально-семиотических состояний культурных систем, отражающих императивы социальной адаптации и развития.

Интерес социальных наук к феноменологии войны и мира не прерывно возрастает. Вся история человечества – это непрерывное балансирование между войной и миром. Считается, что за четыре с лишним тысячи лет известной нам истории только примерно 300 лет оказались для человечества мирными. Как указывает Ю.Ф. Карякин, «люди почти все время жили до войны, во время войны, после войны – и опять перед новой войной и т.д., и т.п. То есть люди жили в неизбывной и все сгу-

щающейся атмосфере войны, жили в определенном смысле, в сущности, для войны, войной. Военное прошлое, военное настоящее, военное будущее. Это не могло не наложить резкую, глубокую печать на все их отношения. Вся их психология несла и несет эту проклятую и, казалось, неизгладимую вечную печать, причем – чем ближе к нашему времени, тем все более резкую и глубокую» [4, с.466].

В современной научной литературе можно найти самые разные дефиниции войны. Война, по мнению А.И. Першица, – это «коллективная форма вооруженного разрешения конфликта» [7]. Война – это «организованная вооруженная борьба социальных групп», как пишет С.А. Никитин [5]. Война, по определению Д.А. Рогозина, – это «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон... к прямому применению оружия и других насильственных средств для достижения определенных политических и экономических целей» [1; 2:126].

Критический анализ этих других концептов войны был предпринят нами ранее [3].

Весьма примечательны этимологические значения понятий *войны* и *мира*, раскрывающие культурные смыслы данных феноменов. Почти все ассоциированные с войной понятия выражают тему культурного раскола и структурного нарушения социальной системы*. *Война* – это всегда структуральный вызов культуре, способ радикальной реорганизации системы, перерегистрации государственной жизни и борьба за власть с использованием самых разрушительных средств насилия. Всякая война – это конфликт, но не всякий конфликт есть война. Если конфликт понимать как деструктивное противоборство (в отличие конструктивных форм противостояния – конкуренции, спортивных состязаний, игр, научных дискуссий и пр.), то война – это организованное деструктивное вооруженное противоборство. Будучи наиболее острой формой конфликта, война (даже так называемая священная и справедливая) при всей ее организациональной направленности не может не нести обществу смерть и разрушения, и потому в силу своей насильственной природы всегда остается деструктивной силой культуры. Учитывая вышесказанное, в самом общем виде можно предложить следующее определение войны в культурологическом измерении данного социального феномена. *Война – это категория, обозначающая социально организованную и коллективную форму деструктивного противостояния в борьбе за власть с использованием оружия и других насильственных средств.*

Тогда мир можно определить как *состояние оптимального социокультурного равновесия и органической целостности (завершенности) отношений человека, общества и природы, снимающее антагонистические противоречия между ними и утверждающее полноту человеческого бытия на основе идеального соответствия социального и природного.* В культурологическом значении понятие «мир» обретает свою семантическую завершенность, объединяясь со словами «истина», «добро», «красота» и «свобода» **.

По З. Фрейду, война есть результат «деструктивного инстинкта». Все, что уравнивает между людьми чувственные связи и общности, должно противодействовать войне, т.е. развитие культуры лучше всего защищает людей от войны. Однако отказ от инстинктов, так называемая «культурная неисправность», еще не позволяет людям быть по-настоящему счастливыми в культуре. В этом видится трагичность человеческого существования. Но острота этого трагизма может быть снята все теми же средствами культуры.

З. Фрейд считал, что наиболее эффективным средством профилактики насилия является мифохудожественное творчество.

Следует вспомнить концепцию дистанционной этики А. Гелена. Источником войны является разобщенность людей, которые все дальше отдаляются друг от друга. Это опасное дистанцирование делает человека бесчувственным к жертвам военных столкновений, поскольку люди способны по-настоящему сострадать лишь в условиях прямого общения и взаимодействия. Нарастающая дистанционная бесчувственность людей к угрозе войны и насилия может обернуться трагедией массового самоуничтожения человечества. А. Гелен обосновывает это положение на примере использования современных средств массового уничтожения. Одно и то же лицо, не решаясь ударить или убить находящегося рядом беззащитного человека, в другой ситуации совсем не задумывается над лишением жизни сотен и тысяч невинных людей, сбросив на них бомбу простым нажатием кнопки. Вот почему для профилактики войны так необходимо наращивать сферу прямого контакта между культурами и расширять все формы непосредственного диалога людей и сближения их культурных и социальных ценностей. Война все чаще начинает восприниматься в социально-антропологическом измерении с акцентуацией темы роли и места культуры в предотвращении вооруженных конфликтов.

В постмодернистском восприятии война становится синдромом кризисного и переходного развития, крайней формой социального разобщения и тотального столкновения. Зарубежная историография о войне и мире достаточно обширна и разнообразна и характеризуется междисциплинарным подходом и комплексным осмыслением феномена насилия в культуре и обществе. Обстоятельный анализ природы войны, ее генезиса и современных манифестаций можно найти в новейших работах Бернда Вегнера «Как возникают войны. Об исторической подоплеке межгосударственных конфликтов» (2000), Мэри Калдор «Новые и старые войны. Организованное насилие в эпоху глобализации» (2000), Хаймо Хофмастера «Воля к войне или бессилие политики» (2001), Барбары Эренрайх «Кровавые ритуалы. Истоки и истории страсти к войне» (1999), Вольфганга Софски «Трактат о насилии» (1996), Майкла Ховарда «Изобретение мира. О мире и устройстве мира» (2001), Мартина ван Кревельда «Культура войны» (2008) и др.

Х.М. Энценсбергер ввел в политологическую науку понятие «молекулярной гражданской войны», наблюдаемой повсеместно в современном мире (см. «Перспективы гражданской войны», 1993). О «глобально развивающейся гражданской войне» пишет немецкий исследователь Э.-О. Чемпель [9]. Норвежский эксперт по международным конфликтам Й. Галтунг определяет вооруженное противостояние как проявление внутреннего структурального нарушения системы и ее внешних связей с миром. Война есть продукт структурального насилия, социального отчаяния и политического диктата [13].

Война все чаще начинает восприниматься в социально-антропологическом измерении с акцентуацией темы роли и места культуры в предотвращении вооруженных конфликтов. «Война, однако, – пишет немецкий политолог Й. Олтман, – это не просто расчет центров власти, сначала это – чувства, страсть. Общество чувствует надвигающуюся угрозу, сплачивается, готовится – скрепляемое общим переживанием – к борьбе, которая требует от вооруженных людей даже самопожертвования» [6].

Американский исследователь Б. Эренрайх рассматривает войну как культурное явление, вызванное к жизни нашими первозданными антропологическими устремлениями в борьбе за выживание. Она предлагает видеть в войне ожесточенную схватку почти всех первородных культурных сюжетов [6]. С этими идеями солидаризируется также Й. Олтман. Он пишет: «До сего дня [человек] идет в бой, руководствуясь двумя мотивами: уничтожить врага и защитить собственное сообщество. Именно пози-

тивные чувства, любовь к родине или сравнимые ценности заставляют людей братья за оружие, приносить себя в жертву или же совершать тяжелые преступления. При этом в большинстве случаев врага демонизируют, а собственные цели идеализируют. В современной войне цивилизованной нации беспрепятственно проявляются архаические модели поведения». «Культура, – считает Й. Олтман, – не избавит людей от насилия и войн, она, похоже, напротив, поставляет для них новые импульсы» [6].

По мнению немецкого социолога В. Софски, насилие является результатом культурного эксперимента. Основная проблема конфликтующего мира – не столько в пропасти между темными инстинктивными силами и обещаниями культурного мира, сколько в соотношениях между насилием и культурой [16, 17].

Две мировые войны в XX веке принесли человечеству самые катастрофические потери и вызвали непрекращающиеся и сегодня дискуссии как в науке, так и в обществе о нарастающей угрозе военного противостояния в мире.

Только с 1945 по 1992 годы было зарегистрировано более 180 войн, которые унесли жизни по меньшей мере 12 миллионов человек [6]. Только в первый год XXI века произошло 38 крупных вооруженных конфликтов, причем 32 из них были гражданскими войнами (см. Гейдельбергский институт исследований международных конфликтов. «Барометр конфликтов за 2001 год», Гейдельберг, 2002).

Исследование, проведенное Х. Старром и К. Линдборг, показывает, что риск военного противостояния сопряжен с нарастающими в мире трансформациями и переходами в борьбе за власть и политическое влияние. Отмечается рост частоты переходов, сопровождающихся сменой политических курсов и обострением гражданского противостояния, которое нередко оборачивается вооруженными столкновениями и иными актами социального насилия. Так, только в период 1974 – 1996 гг. в мире зафиксировано 3834 потенциальных переходов [17]. Социальные риски усиливаются в контексте демократического роста.

Таким образом, войну мир следует рассматривать как социокультурные явления, выражающие состояния структурной неустойчивости/устойчивости систем в их адаптации к вызовам внутренних и внешних импульсов социальной реальности. При этом в своей бинарной оппозиционности они выражают на траектории парных противоположностей различные смысловые области культуры. Бинарной противоположностью мира следует считать не войну как таковую, а насилие, поскольку отсутствие войны еще не означает наступление мира. Прекратить войну проще, чем установить подлинный мир. К войне культуры тяга, к миру – стремление.

Примечательна в этой связи концепция британского историка М. Ховарда, согласно которой война представляет собой «норму» в истории человечества, а мир, напротив, – «изобретение» [14]. Развязать войну проще, чем ее прекратить и тем более обустроить мир. Война начинается с насилия. Не война порождает насилие, а насилие порождает войну. Вот почему на противоположном полюсе мира находится не война, а насилие. Только укротив насилие, мы можем дать шанс человечеству обрести мир. Можно победить войну, но пока насилие властвует в умах и душах людей, мир не может установиться в культуре. Что же тогда мы можем считать бинарной противоположностью войны? Наверное, то, что лежит по другую сторону ее сущности. Представляется, что оппозицией войне может быть не мир как таковой, поскольку это состояние выражает другую пару противоположностей (мир – насилие), а что-то вроде *смирения/примирения* или близкие этому лексическому ряду понятия. Однако для более точных определений на шкале бинарного противопоставления требуются дополнительные исследования данной темы. Тем не менее хочется

надеясь, что сама постановка вопроса о войне и мире как терминологических конструкций, социокультурных понятиях и объектах изучения может способствовать прояснению смысла и назначения самых важных универсалий культурной жизни.

Можно заключить: *проблема культуры в том, что она ставит гораздо больше вопросов, чем способна их решить*. На этом избыточном несоответствии замешана вся человеческая история и социальная драма культуры. На фоне глобальных преобразований и драматических битв за демократию нельзя не заметить, что насилие расширяет свою территорию, в том числе опираясь и на саму культуру. В этом видится основная угроза жизнеспособности современной цивилизации. Становится очевидным, что культуру войны и насилия можно ослабить и укротить, лишь выставив на ее пути весь доступный человечеству арсенал культуры мира и ненасилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Слово *война* связано с *войн* и родственными лексемами, имеющими этимологические значения «гнаться, преследовать» (от литовского 'veju', 'vyti'), «преследовать», «стремиться к» (от древнеиндийского 'veti'), «охотиться» (от латинского 'venor'), «охота» (от древневерхненемецкого 'weida'), «стремлюсь», «желаю» (от греческого) [8, с. 334 – 335 (Т.1)].

Таким образом, слово «*война*» выражает установку на *нужду, добывание чего-либо, добычу, старание*, то есть преодоление какой-либо недостаточности, нехватки (ср. *схватка*). *Война* понимается почти всегда как раскол, нарушение, разрушение, разделение.

Показательны этимологические значения, родственные в своей основе *войне*, словам «битва», «бой», «сражение», «рознь», «борьба», «драка», «раздор», происходящие от *бить, нарушать, поражать, ломать, резать, разбирать, дробить, рубить, колоть, драть, рвать, раздирать*.

Добавим также к этому ряду и другие близкие *войне* лексемы.

Склока – происхождение неясно (ср. *склочник*), но, предположительно, от *клок* (*клячья*), которое связывалось не столько с «пучкообразным», сколько с «торчащим во все стороны» [8, с. 642 (Т.3), 10, с. 402 (Т.1)]. *Склыка* – «досада, ссора, неудовольствие» [8, с. 642 (Т.3)]. *Ссора* – вероятно, от «*ссора*», родственного латинскому 'sermo', 'sermonis' – «разговор, беседа, диспут, молва», наряду со 'sver' (ср. *свара*) – «отвечать», «клясться» (ср. англ. *answer*) [8, с. 741 (Т.3)]. *Распря* – заимствовано из старославянского 'распрьртися', т. е. «рассориться», и производное от 'пърьти' – «спорить», в перегласованном виде выступающего в *переть* – «давить, жать» [11, с. 383 – 384]. *Дрязги* – отславянского «всякий сор», «хлам», «мусор» [10, с. 271 (Т.1)].

Отсюда потребность в нагнетании порядка и целостности – ср. *ряд* (*рядовой*), *отряд*, *наряд*, *снаряд*, *снаряжение*, *заряд*, *наряд*, *оружие*, *орудие*, *артиллерия* (от латинского *artis* – ремесло, искусство, произведение, то есть все тоже выражение порядка и сверхпорядка), *рать*. Слово *полк* в одном из своих исконных значений определяется как «наполнять», «насыпать», «умножать», «множество» [10, с. 53 (Т.2)]. Если это действительно так, то *полководец* – это прежде всего преобразователь и собиратель людей, народа, культуры, человек, который восстанавливает и преумножает порядок и общественный достаток. Об этой же теме говорит этимологическое значение слова «рота». Показательно, что *рота* семантически объединяет два бинарных значения – конфликтующее и примиренческое, брань и клятву (присягу): от древнерусского 'ротити' – «бранить, клясть», словенского и чешского 'rota' – «присяга», 'rotiti' – «заклинать», «роптать, сердиться». Родственно древнеиндийскому 'vratam' – «правило, заповедь, закон, обет», авестийскому

'*urvata*' – «закон, вероучение». Допустимо также этимологизировать славянское '*rota*' из '*rok-ta*' – «печь» [8, с. 507 (Т.3)].

Обращает на себя внимание амбивалентность лексических категорий, выражающих военные значения. Там, где есть установка на какие-либо негативные характеристики (нарушение, угроза, нужда, конфликт и пр.), всегда присутствует противоположное устремление к чему-то позитивному, к преобразующему, конструктивно дополняющему.

Характерная амбивалентность в словах *победа* и *поражение*: *победа* как триумф, достижение заветной цели и *победа* как этимологически производное от *беды* (сравните *победная головушка*, *бедный*); *поражать* как убивать, лишать (ср. терпеть *поражение*, то есть терять что-либо и пр.) и *поражать* как завладевать, завоевывать, доставлять *радость*, то есть *порядок*. Амбивалентность лексических категорий можно обнаружить и во многих других случаях. Так, *опасность* в своем актуальном значении выражает некую угрозу, но в этимологическом ракурсе эта лексема связывается с защитой и безопасностью. *Опасность* исторически происходит от *опась* – «осторожность, защита» и образовано посредством темы *-ь* от *опаси* – «обезопасить» (ср. *пасти*, *пасть*) [10 (Т.2)]. Амбивалентным звучанием отличается и слово *риск*. *Риск* – с итальянского *rischio* – *risico* – «опасность», но восходит к греческому прилагательному, означающему «корень, основание, подножие, подошву» [10, с. 116 (Т.2)]. Лексема *кризис* выражает также две противоположности – испытание и избавление. *Кризис* – первоначально от греческого *krisis*, что означает «решение, поворотный пункт, исход», выход [10].

** Слово *мир* – общеславянского происхождения, образовано посредством суффикса *-рь* от той же основы, что *имиль*. В свою очередь, слово *миль* находит соответствия в балтийских языках (например, литовское *mielas* – *миль*, *любимый* или *meile* – *любовь*). Считается, что оно образовано от той же основы, что и латинское '*mitis*' – *нежный* и древнеиндийское *mayas* – *радость, удовольствие* [11, с. 266]. То есть *мир* в своем смысловом значении фиксирует в себе установку на поддержание полноты жизни, удовлетворения, достатка, целостности, *порядка* и *радости*.

Смысловое содержание понятия *мир* дополняет этимологическое значение слова *друг*. *Друг* родственен литовскому '*draugas*' – *спутник, товарищ* и *sudrugti* – *присоединиться*; древнепрусскому '*draugiwaldunen*' – *сонаследник*; древневерхненемецкому *trucht* – *отряд воинов, свита*; англосаксонскому *dreogan* – *достигать, добиваться*. Сравните *другой* от *друг друга*, *друг другу*, родственен словенскому и польскому *drug* – «второй» [11, с. 543]. То есть *друг* выражает момент связи, присоединения, прибавления, достатка.

Сточки зрения бинарной соподчиненности весьма показательны этимологические значения слова *враг*. *Враг* происходит от древнерусского слова '*vorog*'. Родственно литовскому '*vargas*' – *беда, нужда* [8, с. 352, 360 (Т.1)]. Одно из этимологических значений связывается с латинским глаголом '*urgere*' – *теснить, угнетать* [11, с. 95]. То есть *враг* выражает момент конфронтации, *нужды*, *потери*, *отрыва*, *недостаточности*, *лишения*. Мы говорим о враге там, где есть момент культурного разрыва, который угрожает обществу/человеку потерей жизненно важных ценностей, нарушает *безопасность* и *благополучие*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Война и мир в терминах и определениях/ Под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: ПоРог, 2000. – 624 с.
2. Глобалистика: Энциклопедия/ Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.

3. *Ионесов В.И.* О войне и мире: некоторые культуролого-терминологические разъяснения // Гражданская война в России (1917 – 1922): взгляд сквозь десятилетия: Сб. мат. междунар. науч. конф. – Самара: Ас Гард, 2009. – С. 507 – 519.
4. *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. – 656 с.
5. *Никитин С.А.* Война // Социальная философия: словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2003. – С. 51 – 54.
6. *Олтман Й.* Овечной войне // Goethe Merkur, Bonn: Goethe-Institute Inter Nations e.V., 1:2003. – С. 34 – 40.
7. *Перици А.И.* Война // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1986. – С. 36 – 38.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.1 – 4. – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
9. *Чемпель Э.- О.* Вернется ли война назад // Goethe Merkur, Bonn: Goethe-Institute Inter Nations e.V., 1:2003. – С. 14 – 24.
10. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык – Медиа, 2006.
11. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
12. *Crevelde, van M.* The Culture of War. – New York: Presidio Press, 2008. – 512 p.
13. *Galtung, J.* Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. – London: SAGE Publications Ltd., 1996. – 292 p.
14. *Howard, M.* The Invention of Peace: Reflections on War and International Order. – New Haven: Yale University Press, 2000. – 113 p.
15. *Keegan, J.* Intelligence in War: Knowledge of the Enemy from Napoleon to al Qaeda. New York, NY: Alfred A. Knopf, 2003. – 387 p.
16. *Sofsky, W.* Traktat über die Gewalt. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1996. – 237 s.
17. *Sofsky, W.* Violence: Terrorism, Genocide, War. Granta Books, 2004. – 273 p.
18. *Starr, H. and Lindborg, Ch.* Democratic Dominoes Revisited: The Hazards of Governmental-Transitions, 1974 – 1996 // The Journal of Conflict Resolution. Journal of the Peace Science Society (International), V. 47, №4, 2003. – P. 490 – 519.

Поступила в редакцию 09.10.2013;
в окончательном варианте 09.10.2013

UDC 003+304.2+330

THE CONCEPTS OF WAR AND PEACE IN HUMANITIES: SOME POSSIBLE INTERPRETATIONS

V.I. Ionesov

Samara State Technical University
244, Molodogvardeiskaya st., Samara, 443100
E-mail: ionesov@mail.ru

The general aim of this article is presenting of some cultural-terminological clarification to concepts of war and peace as cognitive spheres of current humanities. It should be recognized that despite the apparent elaboration in the scientific literature of the themes of war and peace, their conceptual and terminological support looks very confusing and methodologically contradictorily. It is important to consider the nature and future of war and peace in the discourse of cultural understanding. This examination involves the definition of war and peace as the structurally-semiotic states and as metaphors that reflect the imperatives of social adaptation and development.

Key words: war, peace, humanities, culture, cultural meanings and etymological significances.

Original article submitted 09.10.2013;
revision submitted 09.10.2013

Vladimir I. Ionesov, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, department of Psychology and Pedagogics.